

Л.Г. Самотик*

АРХАИЗАЦИЯ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ПРИЁМ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ

1.1. В русской, советской литературе сложились определённые традиции изображения старообрядцев. Особое место занимает при этом диалогия А. Мельникова – Печерского «В лесах» и «На горах».

1.2. В художественной литературе довольно широко отражена жизнь староверов Приенисейской Сибири: трилогия А.Т.Черкасова «Хмель», «Конь рыжий», «Чёрный тополь», повесть В.П.Астафьева «Стародуб», повесть М. Перевозчикова «Староверы», роман В. Аксёнова «Осень в Ворожейке» и повесть «Солнцеворот» и др.

2.1. Для анализа нами выбран текст романа А.Т. Черкасова «Хмель». Наиболее известны произведения А. Черкасова о староверах на Енисее – «Хмель», «Конь рыжий» и «Чёрный тополь». Трилогия была очень популярна в 1970-1980-е годы, общий тираж романа «Хмель» более 3 млн экземпляров. В 2005 году общественность Красноярского края отмечала 90-летие со дня рождения писателя [9].

2.2.. Известная трилогия Алексея Тимофеевича Черкасова в жанровом отношении им никак не была определена. Его произведения поделены не на главы, а завязи, в начале стоит "Напутное слово" (ср. "Напутное слово" В.И. Даля), в конце первой части – аполлог (а не эпилог).

По своей направленности, сюжету, выразительным средствам это произведение можно отнести к исторической прозе. Поскольку оно (особенно первая часть романа «Хмель») о деревне, – это деревенская литература (в конце 50-х – начале 60-х годов XX века только начинали говорить о писателях-деревенщиках как направлении в советской литературе). И это произведение о старообрядцах, о староверах. О староверах Сибири, в частности – Приенисейской Сибири.

И историческая, и деревенская проза и произведения о старообрядцах строятся традиционно на принципе отчуждения текста от читателя, от его повседневного речевого опыта, но в каждом случае используются как ведущие особые языковые средства – лексика периферии литературного языка (пассивного словарного состава) и внелитературная: историзмы и архаизмы; диалектизмы; старообрядческая лексика. Пределом отчуждения текста является его «понимаемость» читателем (правда, само понятие «понятности» изменяемо во времени, но в рамках данной статьи мы от этого отвлекаемся).

3.1. Остановимся на первой завязи романа «Хмель» – "Крепость" [12].

Язык – один из основных моментов сюжета «Хмеля», с него всё начинается. В "Напутном слове" – в сущности, в Предисловии – такова мотивировка создания произведения: в издательство в первые годы войны пришло необычное ("*довольно странное*", с. 5) письмо из деревушки Подсиной под Минусинском. Письмо, как пишет автор, написано "*в таком древнем стиле..., с буквой ять, с фитой, ижицей, прямым, окаменелым почерком... Мы его называли "письмом с того света"* (С. 5). Поездка к автору письма – бабушке Ефимии и явилась отправным пунктом событий.

Отнесение произведений Алексея Черкасова к исторической прозе не бесспорно. В литературе отмечалось, что романом, связанным с действительными историческими событиями (падение советской власти в Красноярске), является только "Конь Рыжий", его безусловно причисляли к историческим произведениям. "Хмель" же отражает предания о старообрядцах, его отнесение к исторической прозе считалось проблематичным.

Жанровая отнесённость произведения зачастую диктует его стилистическую доминанту. Историческая проза имеет свои выразительные языковые средства. Это, прежде всего, стилизация языка под язык прошлого, его архаизация. Ведущими лексическими единицами при этом являются историзмы и архаизмы (см. статьи «Архаизмы» и «Историзмы» Е.М. Лазуткиной [Культура русской речи]).

4.1. Для романа А.Т. Черкасова характерно использование историзмов. Историзмы традиционные, все отмечены в Словарях СРЛЯ, относящиеся в основном к одной тематической группе, которые обозначают сословия, звания, чины и должности того времени; кроме слова *барин*, они малочастотны в произведении: *барин* (С. 35, 41, 42, 45, 50, 51, 53, 54, 69, 70 и др.); *барщина* (С. 50 и др.); *венценосец* (С. 32 и др.); *генерал-адъютант* (С. 15, 30 и др.); *граф* (С. 30); *десятский* (С. 84-87); *дуэлянт* (С. 18); *жандарм* (С. 16, 33, 58 и др.); *имение* (С. 31 и др.); *корнет* (С. 29); *купеческий* (С. 12); *князь* (С. 18); *крепостные* (С. 26 и др.); *крепостная неволя* (С. 53 и др.); *мичман* (С. 16, 39); *мичманишка* (С. 30, 33); *помещик* (С. 26); *престолонаследник*

* © Л.Г. Самотик, 2006.

(С. 29); *стражник* (С. 84-85, 86-87); *становой пристав* (С. 18); *самодержавие* (С. 18); *урядник* (С. 86, 87); *фельдъегерь* (С. 12); *форейтор* (С. 12); *хорунжий* (С. 86, 87); *царь, царёв* (С. 32).

Несколько слов (сочетаний) обозначают реалии прошлого: *государевы почтовые кибитки* (С. 12); *посконные рубахи* (С. 20); *Секретный Дом* (=тюрьма) (С. 15, 29, 31, 32, 61, 71, 88); *шпирутены* (С. 24); *этап* (С.8, 16, 29, 88).

4.2. Особо следует остановиться на сочетаниях: *войлочные котелки* и *земская расправа*:

Лопарёв уткнулся головой в землю и так лежал до тех пор, пока не склонились над ним трое бородачей – один другого старше; двое тощих и длинных, в посконных рубаха до колен, в войлочных котелках, сиво-бородые, угрюмые; третий – согбенный, кривоносый, с реденькой белой бородачкой и босой; к правой ноге его была прикована пудовая гирия на железной цепи (С.20). *С бороды ручьями лилась вода. С войлочного котелка дождь лился за шиворот* (С.202). *Возле дверей остановился Третьяк и только что перешагнувший порог, любопытный и настороженный Лопарев в одnorядке, без войлочного котелка* (С.165). *Возле пепелища – бахилищи на мягкой подошве, портянки, суконная ондирядка, войлочный котелок, заменяющий шляпу* (С.115).

Не совсем понятно в данном контексте, почему это были котелки (*котелок* – твёрдая мужская шляпа с округлой тульей и небольшими полями'. СТСРЯ, с.285), а не колпаки (колпак – головной убор остроконечной, овальной и т.п. формы. СТСРЯ, с. 273)? См. далее: *Филарет сидел в переднем углу за столом, под иконами, в торжественном облачении: на голове поморский колпак духовника с восьмиконечным крестом и пурпурным верхом, на рубахе – золотой крест на цепи, в руках – посох, через левое плечо перекинута широкая лента, шитая золотом с пурпурными крестами* (С.126). Ср. у В.Набокова: «Белобрысый мальчик второпях толкнул его, он посторонился и вдруг увидел отца. Отец улыбнулся ему, держа свой каракулевый колпак и ребром руки выдавливая необходимую бороздку. Лужин прищурился и отвернулся» [8. С. 25].

Напрасно я вам доверился. Вот следователь земской расправы сразу раскусил, что дело тут уголовное, вопиющее! (С.215) *В новом деревянном доме Нижней земской расправы Мокея встретил следователь Евстигней Миныч до того радостно, будто к нему привели не убийцу – разбойника, а ближайшего родственника* (С.202). *Евстигней Миныч раболепно помалкивал, потупя голову: он будет отмечен, и потому покорность – верная стезя на ступеньку Верхней земской расправы* (С.215). См. также с.223, с. 224 и др. Сочетание *земская расправа*, очевидно, представляет сатирический элемент, созданный по правилам языковой игры. «Актуализация ассоциативного потенциала слова при использовании морфодеривационных и семантических моделей как операциональных механизмов языковой игры» [4. С. 147]. *Земство* – 'В центральных губерниях России до 1917 года : выборный орган местного самоуправления', *земская управа*. СТСРЯ.

5.1. Широко автор использует архаизмы русского языка. Архаизмы представлены разными видами.

Лексико-фонетические архаизмы: *Буонапарты России* (С.15, 16), *Едный* = 'единый' (С. 38, 60, 98), СТСРЯ – нет;

Лексические: *гласис*: *Жандарм принял его от надзирателя Секретного Дома и провёл в крепость, а потом на гласис, где находились участники неудавшегося восстания 14 декабря, размещённые по категориям* (С. 33, также 34), СТСРЯ – нет, ТСИС: *воен.* 'Земляная пологая (в сторону противника) насыпь впереди наружного рва укрепления, крепости'; *плац-кронверк*: *Чуть в стороне, поближе к плац-кронверку крепости, в плотном кольце жандармов, стояли пятеро: Пестель, Муравьёв-Апостол. Бестужев, Каховский и поэт Рылеев. Неужели?* (С. 33, также 34, 47), СТСРЯ – нет, ТСИС: *кронверк, воен., ист.* 'Наружное укрепление из одного бастиона и двух полубастионов (на флангах), возводившееся перед главным валом крепости для усиления крепостных сооружений'; *опричь* (С. 92-94), СТСРЯ—нет; *паки* (С.53, 66), СТСРЯ – нет; Сомов: 'опять, снова'; СА – с. 303; *чадо* (С.27, 100), СТСРЯ: *Устар.* 'Сын или дочь независимо от возраста; дитя' и др.

Лексико-семантические архаизмы: *живот*='жизнь' (С.96), СТСРЯ: *Устар.* 'Жизнь' (С. 189), Сомов: 'жизнь'; *книга животна* (С.92); *уволить* = 'отпустить': *Оъявитель сего, раб божий Иисуса Христа, праведник, уволен из Иерусалима, града божия, разные города и селения святой Руси ради души прокормления* (С. 92), СТСРЯ: 3. 'Отпустить (военнослужащего, курсанта в увольнение)', *рухлядь* = 'дорогие вещи, одежда, домашняя утварь': *Долго ехали до Поморья. Рухлядь везли всякую и золото* (С.43), СТСРЯ: *Разг.* 'Старые, пришедшие в негодность вещи домашнего обихода'; Сомов: 'всякая домашняя утварь' и др.

5.2.1. Грамматические архаизмы представлены как устаревшими формами слов, так и синтаксическими конструкциями.

Автор использует в тексте звательные формы имён существительных: *отче*: *Звал, отче?* (С. 27, также 49, 61 и др.); *человече*: *Толкуй правду, человече!* (С.26, также 67, 52, 69, и др.); *господи*: *Утверди мя, господи, во святых заповедях стояти* (С. 92); *Иисусе Христе*: *Иисусе Христе, развяжи язык твари ползучей, молился Филарет* (С.137) и др.

Но в некоторых контекстах форма *человече* употребляется за пределами обращения: *Был человече с ветра и ушёл* (С.28) *Эко! Человече бог послал, сказал длинный старик* (С.21). *Откель те ведомо, праведник Тимофей, что зришь человече?* (С.21). *Оно хоша и пост ноне, да человече подымать надо* (С.27). *Помоги те, мужики, человече и отведите к Мокеевой телеге* (С.24). Так же выглядит употребление формы *Иисусе*:

Такоже славно будет **Иисусе** многомилостивому, **Иисусе** пресладкому, **Иисусе** многострадному! (С.29) Данные примеры можно рассматривать как ошибочные, как ложную архаизацию языка.

Широко используются автором устаревшие, ставшие просторечными формы глаголов на –ся и на –ти: *молюся, убоюся, боитися, боятися, укреплятися, знатися, стояти, отступати, соблюдать* (В СРЯ «Большая часть глаголов с постфиксами –ся/сь мотивируются переходными глаголами... Морф –ся представлен во всех словоформах, если этому морфу предшествует согласная. Морф –сь представлен после гласных во всех словоформах, за исключением причастий» [10. С. 384]: *тайно молюся* (С.50); *буду соблюдать, буду плакати и рыдати, хто приняти в дом боитися, не хочет с господином моим знатися* (С. 92) и др. «Формы на –о характерны для севернорусских говоров, в которых, очевидно, вследствие особой ритмической структуры слова конечные гласные, отпадавшие в южнорусских говорах, могли задерживаться в произношении. Таковы же встречающиеся в основном в севернорусских говорах инфинитивы на безударное –ти, –чи» [5. С. 477].

Интересны усечённые формы местоимений: *мя* (С. 114, 117, 119, 128, 120, 45, 57, 66, 68, 81, 92, 136); *тя* (С. 21, 6 1,36, 49, 66, 67, 68, 69); *те* (С. 98, 56, 98); *ихо*(С.127), *ихи* (С. 137); *сю* (С.136); *се* (С. 67, 73); а также фиксированная в словарях СРЯ форма *сего* (С.92). Здесь же можно рассмотреть диалектную стяжённую форму притяжательного местоимения *мово* (С. 74, 96). Форма местоимения *ихо* отмечена Л.Л. Касаткиным в архангельских говорах и объясняется как произношение *о* на месте конечных *ъ, ь* [5. С. 474]. Местоименные формы *мя* и *тя* известны в истории русского языка. Причём «в древнерусском языке остальные падежные формы (кроме *аз*) были такими же, как и в старославянском» [3. С. 247]. П.С.Кузнецов формы *мя,тя,ся* относит к энклитическим [6. С. 116].

Глагольные формы *приспе* (*время не приспе*. С.5), *сгила* (*сгила бы в тартарары*. С.63), форма существительного *небеси* (*отлетела бы душа на небеси*. С.96, а также 156), *в руце* (*в руце Бога*, С.175), субстантивированная форма прилагательного *страняго* (*страняго мя приняти в дом*. С. 92) и прилагательное *жесточае* (*реки же текут жесточае*. С. 66) и др. не делают текст непонятным, но отстраняют его от читателя. «Всем славянским языкам известны формы 3-его л. без –т, которые особенно широко распространены в 3-ем л. ед. ч., но известны и во множественном числе и отмечаются уже в старейших славянских текстах. ... Зафиксированы они в старейших восточнославянских памятниках: «Остромировом евангелии» (*напише*) и «Минее» 1095г. (*обряще*)» [3. С. 290-291]. Формы сравнительной степени в древнерусском языке образуются с промежуточной: *крепчае* [3. С. 225]. Именное склонение прилагательных складывается и через членные формы типа *нов-аего* [3. С. 221]. Форма *руце* как следствие 2-й палатализации и древняя форма местного падежа множественного числа *на небеси* известны в древнерусском и старославянском языках [2. С. 115, 121].

5.2.2. Встречаются так называемые синтаксические архаизмы, фиксирующие необычные сочетания, прежде всего – глагольное управление: *Слыхивал Лопарёвых* = ‘про Лопарёвых’ (С. 26). *Воевать Емельку Пугачёва* – ‘с Емелькой Пугачёвым’ (С. 82). ... *уволен из Иерусалима ... разные города и селения святой Руси ради души прокормления* – в м. ‘в разные города’ (С.92). В.И. Борковский в древнерусских грамотах фиксирует неоднократно использование беспредложных сочетаний, например: «Форма родительного падежа встретила нам только в единственном числе, причём все случаи, за исключением одного, при управлении без предлога» и др. [1. С. 363]. А.Н.Стеценко выделяет родительный неполного объекта при переходных глаголах восприятия, который в дальнейшем меняется на винительный: *слушайте последние известия* [11. С. 99]. Винительный беспредложный падеж места употреблялся в значении места или пункта, куда направлено движение: *Глеб же вниде Чернигов* (Пов. вр. лет) [11. С. 102].

Отмечены отдельные сочетания с устаревшими словами, относительно устойчивые в прошлом: *разряд* – *осуждён по 3-ему разряду* (С. 18); *проходил по 8-ому разряду* (С. 30); *крамольный* – *крамольная тайна* (С.15); *крамольные связи* (С. 30); *учинять* – *учинить спрос* (С. 45); *учинить расспросы* (С. 28); *по высочайшему повелению* (С. 33) (СТСРЯ: *разряд*— ‘В России 15—17 веков правительственные назначения на военные, гражданские и придворные должности с учётом местничества: записи о таких назначениях, вносимые в разрядные книги’. СТСРЯ: *крамола* – ‘то, что запрещено, противозаконно (о мыслях, словах, речах и т.п.)’. СТСРЯ: *учинить* – *офиц.* ‘Совершить, сделать, устроить’). Устаревший топоним: *Каменный Пояс* (‘Урал’) (С.13).

5.3. Авторскими представлениями определяется и частотность устаревших слов в произведении.

Особо частотны употребления глаголов *зреть* в значении ‘видеть’ (СТСРЯ – нет; в СРЯ XI-XVII вв. **зрети** приводится с 7-ю значениями), *глаголить* в значении ‘говорить’ (СТСРЯ – **глаголать**. *Устар.* или *ирон.* ‘Говорить (обычно высокопарно, торжественно’; в СРЯ XI-XVII вв. **глаголати** с 3-мя значениями); слов *такоже* (СТСРЯ – нет; Срезневский: есть **такожестрадальныи** = ‘подобно страждущий’), *яко* (СТСРЯ – нет; Срезневский: в 7-ми значениях), *неможно* (СТСРЯ – нет; в СРЯ XI-XVII вв.: ‘Невозможно, нельзя’):

Откель те ведомо, праведник Тимрфей, што зришь человеце, а не сатано в рубище кандальника? (С.21); *Сатано приполз к становищу! Рога зрил, хвост зрил, огонь из горла исторгался и смрадный дым шёл* (С.22); *Глаголь правду! – насторожился старец. – Что узрилась в землю? Не в ногах првда, на небеси* (С.55); *не*

зрил (С.21); зазришь (С.6); не зрю века (С.7); зреть (С.35); узреть (С.48); сам зрил (С.53); зрили (С.67); не зреть (С.53); зрит за ней (С.55); узрил (С.72); зреть (С.74); зримость (С. 20) и т. д.

Глаголь (С. 23, 21, 22 53); глаголит (С.62); сообщно глаголать (С. 7); глаголить (С. 45 54 55 98); глагол держу (С.56 63 67); глаголишь (С.98).

Такоже (С.21, 23, 54, 56, 69, 98).

Яко (С. 22, 23,5, 6, 7, 37, 49, 55, 62, 68, 69. 76, 82). Сомов: 'точно. словно, как; так как , поскольку, оттого что, потому что ' – С. 682.

Неможно (С.27, 36, 101).

Рече (С.7); рёк (С.54); реченье бредное (С.55); речение (С.82); Сомов: речение= слово – с. 450 и т.д.

Следует отметить, что Черкасов использует как слова, помещённые в толковых словарях с пометой *устар.*, так и внелитературные архаизмы, отмеченные специальными словарями русского языка. Есть значительная группа слов, находящаяся на грани с диалектной лексикой. Возможно, это авторские неологизмы, реализующие его представление о языке прошлого.

Итак, мы видим результат писательского видения изображаемой языковой среды. Эта среда в эпоху динамична: в книгах, посвящённых 40-50-м годам XX века, архаизация языка значительно меньшая.

Специфика языка староверов в романе представлена тремя моментами: его архаизацией, народно-разговорной основой с привлечением как выразительного средства текста диалектизмов и центральным выразительным средством – особым, в основном лексическими и фразеологическими, старообрядческими единицами. В данной статье рассмотрена только архаизация языка текста первой завязи романа «Хмель» – «Крепость». Архаизация – специфическая черта старообрядческого дискурса [7] и в произведении в целом достоверна.

Выводы

1. Своеобразие языка староверов Приенисейской Сибири, по мнению А.Т. Черкасова, заключается прежде всего в архаичности, которая проявляется в активном использовании историзмов, лексических, семантических, грамматических архаизмов. Архаизация в романе выполняет двойную функцию: с одной стороны, таким образом стилизуется язык прошлого, с другой – создаётся образ специфической конфессиональной речевой среды.

Черкасов допускал неточности в использовании отдельных слов, форм слов, но писатель верно почувствовал общее своеобразие языка старообрядцев.

2. Стилистической доминантой текста является стилизация языка эпохи, поэтому всё лексическое разнообразие выразительных средств «работает» на его архаизацию. Этим определяется восприятие произведения.

3. Языковой строй произведения максимально отчуждает текст от читателя, его повседневной речевой практики. Однако это не делает текст непонятным, напротив, он очень близок рядовому читателю, эмоционально индуктивен. Некоторая тривиальность, примитивность, лубочность романа, очевидно, способствуют его популярности. Язык произведения во многом формирует его как «советский бестселлер».

4. Художественные тексты могут рассматриваться как лингвистический источник, независимо от их художественных (литературных) достоинств. Они могут служить источником изучения языка старообрядцев.

5. Как источник, художественный текст представляет не только номенклатуру слов (лексических единиц), но прежде всего – общее видение специфики речи социума писателем: отбор выразительных средств текста репрезентирует специфику речи социума в сравнении с современным русским литературным языком в писательском восприятии. Писательское восприятие формирует стереотипное представление о речевой старообрядческой среде в русской национальной культуре.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Русский язык, 1998. (ТСИС)
2. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.
3. Морковкин В.В. Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М.: Русские словари, 1997. (СА).
4. Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник: Около 3500 единиц / сост. Р.П.Рогожникова, К.А. Логинова, С.А. Пономаренко и др.; отв. ред. Р.П.Рогожникова. – М.: Русские словари, Аристель, 2000.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1975-2003. (СРЯ XI-XVII)
6. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – М.: Ридерз дайджест, 2004. (СТСРЯ)
7. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов / В.П. Сомов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: Т. 1-3 / И.И. Срезневский. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот / В.И. Борковский. – Львов: Изд-во ЛГУ, 1949.
2. Горшков А.И. Старославянский язык / А.И. Горшков. – М.: Высшая школа, 1963.
3. Горшкова К.В. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для университетов / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М.: Высшая школа, 1981.
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Ур. ГПУ, 1996.
5. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
6. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка / П.С. Кузнецов. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.
7. Матанцева М.Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья: Дис. ... канд. филол. наук / М.Б. Матанцева. – Новосибирск, 1999.
8. Набоков В. Защита Лужина: роман / В. Набоков // Избранные произведения. – М.: Советская Россия, 1989.
9. Неуёмное сердце: К 90-летию Алексея Черкасова /сост. Г. Толстова. – Красноярск: Красноярский литературный музей им. В.П. Астафьева, 2005.
10. Русская грамматика: Т.1. – М: Наука, 1980.
11. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка: учебное пособие для пед. ин-тов и филол. фак. ун-ов / А.Н. Стеценко. – М.: Высшая школа, 1977.
12. Черкасов А. Крепость / А. Черкасов // Хмель: Сказание о людях тайги. – Т. 1. – Красноярск: ККИ, 1984. – С. 5 – 248.